

В заключение рассмотрим еще один принципиальный вопрос, касающийся анализа газетного материала. Нередко можно встретить утверждение, что газеты - материал нужный, но не самый важный, а, скорее второстепенный, дополнительный или даже иллюстративный. Но все зависит не столько от источника, сколько от избранной темы исследования. Скажем, для изучения политической истории, общественного сознания, истории культуры газета - важнейший и незаменимый источник. Даже газетная ложь - показатель культурного развития общества, уровня его цивилизации.

ГЛАВА 11

Источники личного происхождения

1. Мемуары и дневники

МЕМУАРЫ - специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность. При этом документальность их основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Воспоминания помогают восстановить множество фактов, которые не отразились в других источниках. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события.

И если уж кто-то взялся за перо, то читатель вправе надеяться узнать правду. Однако по меньшей мере три обстоятельства мешают авторам выполнить свои благие намерения.

Во-первых, это память, которая с годами, увы, слабеет. Во-вторых, это особенности индивидуального психического склада, в силу чего человек помнит одно и забывает другое. В-третьих, это особенности условий, эпохи, когда создавались мемуары. Эти особенности так или иначе, но обязательно накладывают отпечаток на мировоззрение автора, на степень правдивости, сокрытия или искажения тех или иных фактов. Вообще-то, это свойство всех мемуаров, но мемуаров советской эпохи особенно.

Воспоминания - это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности. Поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Это не недостаток, а свойство мемуаров, ибо они несут на себе отпечаток личности автора. Все достоинства и недостатки мемуариста невольно переносятся и на воспоминания. В противном случае мемуары безлики. Иногда в исторической литературе, в учебниках субъективность мемуаров если и не оцени-

вается открыто как недостаток, то подразумевается. Однако иными мемуары быть не могут, Их субъективность есть объективно присущее им свойство.

Особая ценность мемуаров состоит в том, что наша история плохо отражена в документах. Можно согласиться с Р.А. Медведевым, который говорил: «... наша отечественная история гораздо меньше отражена в документах, чем в умах людей. Эта особенность связана с характером Сталина и сталинского периода. Нам в помине не был присущ немецкий педантизм, когда в документах фиксируется все до мельчайших подробностей: численность лагерей во время войны, количество заключенных, число вырванных у них золотых зубов, вес волос и т. д. В нашей истории такая точность отсутствует, многие архивы уничтожены, нет и никогда не было многих важных документов. Сталин запрещал записывать даже свои собственные приказы на заседаниях Ставки главкомандующего. Протоколы заседаний Политбюро не велись. Сталин запрещал фиксировать свои телефонные разговоры. Все это лишает историка документов, лишает возможности оценить, где правда, где ложь».

Многие люди, рано понявшие необходимость компенсации утерянной информации, обратились к записям воспоминаний современников. В числе первых был и Р.А. Медведев. Он рассказывает: «...после XX съезда партии я понял, что моя задача - зафиксировать то, что исчезает вместе с людьми. Я приходил к старым большевикам, писателям и всем тем, кто хотел что-то рассказать, и я записывал»⁹⁴.

Характерные черты, особенности советских мемуаров состоят в следующем:

идеологическая заданность и «выдержанность»; эти качества на всех уровнях контролирующих инстанций соблюдались особенно строго;

выбор тем и набор сюжетов;

не личные переживания автора, а событие или вождь - объект воспоминаний;

стремление быть сопричастным к тому или иному событию;

стандартизация в характеристиках ситуаций, людей;

формирование образа врага;

недоговоренность, наличие фигуры умолчания, эзопов язык.

Однако многие особенности мемуаристики сохранились и в советских мемуарах.

Человеческие слабости понятны. У мемуариста всегда велик иску́с отвести себе места в истории чуть больше заслуженного, выгладеть чуть лучше, чем быть на самом деле. Преодолеть это не просто. Главная же сложность состоит в том, что мысли мемуариста

ста, умудренного опытом, уже знающего все последствия описываемых событий прошлого, эти мысли, вольные или невольные, часто вкладываются в голову того, может быть, даже совсем не прозорливого, и совсем далее не смелого, и далеко не сообразительного участника давней истории, каковым мемуарист был когда-то.

Таким образом, к мемуарам, как к любым другим источникам, необходим критический подход. В источниковедении отработана технология критического анализа мемуаров.

Прежде всего, необходимо изучить личность автора, время и место действия описываемых событий. Очень важно установить положение, занимаемое автором воспоминаний в происходивших событиях, а значит, его осведомленность о них.

Важным вопросом критического анализа мемуаров является установление источников осведомленности автора. Помимо собственной памяти мемуарист привлекает дополнительные материалы, по крайней мере, в трех случаях: для того, чтобы восстановить в памяти ход события; для цельности изложения той их части, в которой автор непосредственного участия не принимал; наконец, для большей убедительности своих доводов.

Источники бывают *письменными* и *устными*. Письменными могут быть оперативные документы военных штабов, отрывки из писем и дневников, листовки, сообщения периодической печати и пр. В военных мемуарах особенно много приводится штабных документов.

Не менее часто привлекаются устные источники. Нередко чей-то рассказ является единственным каналом знаний о том или ином факте. Основным источником остается память. И здесь многое зависит и от надежности памяти мемуариста и от его способности максимально точно передать читателю то или иное событие. Большое значение имеет время, прошедшее со времени события до повествования о нем мемуариста. Чем длительнее временное расстояние, тем большая вероятность искажения, утраты деталей, фамилий действующих лиц и т. д. Вместе с тем временная дистанция дает возможность спокойнее и объективнее оценить прошлое, более взвешенно расставить акценты, выделить из частного главное и т. д.

Один из эффективных методов проверки полноты и достоверности мемуаров - их сопоставление с другими источниками, в которых описываемые события так или иначе пересекаются с событийной канвой анализируемых мемуаров.

Какое место занимают мемуары в ряду других источников? Нередко им отводят второстепенную роль, а то и вовсе низводят до иллюстративного материала. Значение мемуаров зависит от темы, к разработке которой они привлечены. Скажем, для напи-

сания биографии писателя, для воссоздания политической истории страны, для реконструкции какого-либо исторического факта мемуары - важный источник. Для создания широких социально-экономических полостей прошлого, описания массовых общественных движений, изучения истории народного хозяйства мемуары играют второстепенную (или даже третьестепенную) роль, уступая место статистическим данным, отчетам и пр.

Надо помнить еще об одном обстоятельстве. Мемуары возникли как жанр художественной литературы, т. е. это материал не столько для исследований, сколько для чтения, часто занятого. Историки же, забывая об этом, подходят к мемуарам исключительно как к историческому источнику. Такой подход порождает претензии к мемуаристу относительно его попыток придать воспоминаниям черты занимательности. Не находит сочувствия и наличие эмоциональных впечатлений, равным образом и попытка анализа тех или иных событий. Историк требует только фактов. Это, конечно, его право (и его ограниченность!), но есть и право автора иметь свой взгляд на прошлое.

По истории советского общества отложилось значительное количество самых разнообразных мемуаров. Их можно сгруппировать по определенным признакам. Так, воспоминания можно группировать по *тематическо-хронологическому* принципу (воспоминания о революции, о событиях 20-30-х годов, об Отечественной войне и т. д.), по происхождению (военные мемуары, театральные, воспоминания участников революции и т. д.).

Можно сгруппировать их по *разновидностям*:

1. Собственно классические воспоминания.
2. Тематически формальные записи (например, «Записки об А. Ахматовой» Л.К. Чуковской).
3. Сюжетные, или путевые, записи, по содержанию больше похожие на очерки.
4. Воспоминания, написанные с помощью анкет. Эти небольшие по объему воспоминания (3-5 страниц) написаны в 20-е годы. Малограмотным рабочим, крестьянам, солдатам «помогали вспоминать» свои впечатления о революции и гражданской войне сотрудники Истпарга, «Крестьянской газеты» под руководством Я.А. Яковлева и др. (Подобный метод перекликается с современной методикой устной истории.)
5. Мемуары, которые помогали и вспоминать и, главное, написать. Речь идет о литературных записях, активно применявшихся в 50-70-е годы. Суть их заключалась в том, что «большие люди» - маршалы, генералы и прочие неискушенные писательской работой лица приглашали на помощь писателей и журналистов, которые делали их воспоминания связными.

6. Воспоминания, создаваемые с активным участием «помощников». Привлечение помощников к «творчеству» партийной номенклатуры (доклады, статьи, речи и т. д.) распространялось вплоть до написания мемуаров или их подготовки партийно-государственными деятелям. А с появлением технических средств (диктофоны, магнитофоны) роль помощников возросла. Сами авторы лишь надиктовывали свои рассказы (наиболее характерный случай - мемуары Н.С. Хрущева). Помощники расшифровывали их, переписывали на бумагу, придавали изначальный более или менее стройный вид.

7. Воспоминания, изложенные по рассказам автора другим лицом. Таковы, например, воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной (Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994).

8. Мемуары, подготовленные к изданию после смерти автора родственниками и близкими покойного (например, воспоминания А.Д. Сахарова, Л.М. Кагановича и др.). Особенность таких произведений заключается в том, что иногда содержание текста выбирается из вариантов, из большого количества имеющегося материала уже без участия автора. Так, из пяти тысяч страниц машинописного текста Кагановича в издание вошли лишь «наиболее интересные», по мнению составителей, фрагменты.

9. «Воспоминания детей». Волна «детских» воспоминаний прокатилась в конце 80 - в 90-х годах. Заслуживают внимания два аспекта, Первый, как дополнение к мемуарам «отцов»: приводится много новых сведений о том, как писались и издавались мемуары отцов (воспоминания дочери маршала Г.К. Жукова, сыновей Н.С. Хрущева, А.И. Микояна и др.). Второй: своеобразное оправдание деятельности своих отцов (воспоминания Л.Н. Игнатьева, С. Берии и др.). В 1994 г. даже открылась новая серия мемуаров «Осмысление века: дети об отцах». Первыми в серии вышли воспоминания С. Берии «Мой отец - Лаврентий Берия» (М., 1994).

10. Мемуары, которые условно можно назвать «Подлинный автор неизвестен». Это мемуары, целиком написанные нанятыми лицами, которые пользовались имеющимися в их распоряжении биографическими материалами, а также в какой-то мере рассказами будущих «авторов» (так называемые воспоминания Л.И. Брежнева, К.С. Станиславского).

Разнообразие жанра мемуаров пополнилось в конце XX в. следующими формами:

блиц-воспоминания, или «мини-мемуары», - коротенькие воспоминания на газетную полоску (или даже часть ее), предназначенные для периодической печати. Сюда можно отнести два рода

воспоминаний: а) по свежим следам недавних событий (воспоминания Л. Собчака об августовских событиях 1991 г.); б) о событиях многолетней давности, связанных с каким-либо примечательным эпизодом («Как нас готовили на войну» А. Скороходова с Берией, записи о совещании в ЦК ВКП(б) по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград» и др.) или посвященные отдельным личностям (В.И. Ленину, Г.К. Жукову и др.);

«новая», или «лагерная», проза («Колымские рассказы» В. Шаламова, детские рассказы детского писателя Л. Разгона и др.);

устные рассказы (И. Андронников, М. Ромм и др.). Им явно присущи элементы занимательности, но в их основе лежат достоверные факты;

«историческое интервью» (магнитофонные записи Г.А. Куманева и др.). Этот жанр плавно переходит в устную историю;

устная история, т. е. запись устных воспоминаний. Но, в сущности, эти рассказы становятся чем-то иным, как только переносятся на бумагу. Это схоже с надиктованными воспоминаниями «больших людей», «историческими интервью» и «анкетным методом» (как в 20-е годы) воспоминаний⁹⁵.

«феномен» записей, осуществлявшихся Р. Медведевым, Ю. Семеновым, К. Каримовым и другими. Ключевым моментом таких воспоминаний является формула: «Говорят, что...», «Я слышал, что...», «Из кругов, близких к... стало известно». Как правило, это любопытные, порой интригующие, пикантные сведения, но их трудно или даже невозможно проверить. Поэтому читатель вынужден либо поверить в поведенное, либо усомниться. В сущности, такую информацию можно отнести к мифам, слухам, легендам, историческим анекдотам.

К мемуарам можно отнести и *автобиографические описания*:

- автобиографии, специально написанные для публикации (автобиография П. Сорокина, автобиографии революционных деятелей, подготовленные для энциклопедического словаря Гранат и т. д.);

- служебные автобиографии, находящиеся в личных делах сотрудников учреждений или в следственных материалах судебных инстанций;

- ответы на вопросы анкет на различных съездах (партийных, государственных и пр.).

Элементы автобиографий можно найти в других видах источников (например, письма, мемуары и т. д.);

- автобиографические повести и романы. Этот жанр художественной литературы (например, повести К.Г. Паустовского) в принципе призван быть фактически достоверным. Впрочем, ничто не обязывает автора быть во всем документально точным;

продолжает развиваться такой вид мемуаров, которые традиционно именуют «Записки иностранцев о России».

К разновидностям мемуарной литературы следует отнести *дневники* и различные *дневниковые записи*. Можно выделить несколько типов по:

объему (краткие либо развернутые записи);
 регулярности (довольно частые, систематические либо записи, производимые время от времени, с большими перерывами);
 датировке (строго и всегда датируемые либо датируемые небрежно и даже вовсе недатируемые).

Сюда же относятся: дневники, охватывающие события лишь определенного, порой незначительного, промежутка времени (например, походный дневник);

дневники, перерастающие в жанр литературы (дневники М. Пришвина, т. е. без малейшей доли вымысла, - «опозитизированная» форма).

Есть литературные произведения, строго основанные на фактах, нередко фиксируемых в предварительных черновых записках (см., например, «Ледовую книгу» Ю. Смуула).

Подробнее остановимся на дневниках, приведенных в форме художественного вымысла. Собственно, любой вид мемуарной литературы, особенно дневники, записки имеют тенденцию перерастать в жанр чисто художественной литературы (М.А. Булгаков «Записки на манжете» и др.), т. е. становиться художественным вымыслом, формой, жанром художественного отражения жизни в соответствии с видением ее автором и его фантазией. Писатели не просто заимствуют готовую форму - как раз, исходя из свойств человеческой психики, это перерастание, по существу, изначально присуще человеку как свойство вольного или невольного искажения реалий (каждый видит мир по-своему).

2. Письма

Письма - уникальный, ни на что не похожий вид исторического источника. Они представляют большую ценность для исторических исследований. Письма - самое распространенное в советское время средство общения между людьми, а также между обществом и властью. Они могут лечь в основу изучения широких общественных настроений. Дневники и воспоминания в этой связи явно проигрывают, так как их значительно меньше и писали их далеко не все, а чаще всего люди образованные. К тому же мемуары, как правило, несут на себе печать социального и политического заказа и целевой установки.

С точки зрения видовой принадлежности, письма можно рассматривать в нескольких ипостасях:

- 1) как газетный жанр;
- 2) как разновидность делопроизводственных документов, т. е. послание в государственные и общественные учреждения;
- 3) письма известным политическим деятелям, артистам, писателям и т. д.;
- 4) как разновидность эпистолярного жанра, т. е. частная переписка.

Соответственно данной группировке письма можно было бы рассмотреть в тех или иных разделах учебного пособия (периодическая печать, делопроизводственная документация, документы личного происхождения). Наиболее целесообразно изучать письма как личные документы, поскольку в основе своей все они личного происхождения.

Выделение писем в самостоятельную группу желательно и потому, что это уникальный источник, пренебрежительное отношение к которому в местах хранения резко снижает возможность изучения социальной истории, изучения человека, личности.

Письма плохо сохраняются. Те же, что дошли до нас, рассеяны по разным архивам, фондам, коллекциям. Чтобы получить более или менее целостное представление о проистекавших в обществе социальных процессах, необходима громадная поисковая работа с письмами, их сбор и изучение с точки зрения представительности, анализа содержания, информационной ценности, возможностей использования и т. д.

Найти более или менее устойчивые комплексы писем - задача трудная или далее почти безнадежная.

Теперь рассмотрим каждую из подгрупп подробнее.

1. Постоянная почта в газеты, в том числе письма, опубликованные и отложившиеся в архиве газеты, обширна. О ее размерах могут дать представление такие данные. Например, в «Московскую правду» с начала и по сентябрь 1988 г. поступило 46 684 письма, 1 060 из них опубликованы. Получено 638 ответов на критические выступления газеты, 211 опубликованы, 8 810 писем поступили из министерств, ведомств, партийных и советских органов, организаций и учреждений в ответ на письма с просьбой о принятии мер⁹⁶.

Большинство писем - жалобы. В целом же рассказать о содержании писем в газеты и различные инстанции невозможно. В свое время известный журналист 20-30-х годов М. Кольцов писал, что в газеты читатели пишут обо всем. Можно услышать отчаянный вопль о смысле жизни собирающегося покончить жизнь самоубийством или чью-то жалобу на отсутствие в городе приличного казино.

Особо можно выделить подгруппу писем, полученных в связи с каким-нибудь юбилеем или знаменательным событием, обсуждением какого-либо важного документа, государственного или партийного. Таким письмам повезло. Им уготовлено вечное хранение в государственных архивах.

2. Постоянная почта в государственные и общественные учреждения - это жалобы, претензии, предложения, доносы и прочее, т. е. почти то же самое, что и письма в газеты. Эти письма - великолепный источник. О чем только люди не пишут! Если бы все это можно было сохранить. Но, увы. Срок хранения этих материалов в учреждениях три года. На государственное хранение в архив они не поступают и уничтожаются.

Правда, исключения составляют письма за ранние годы. Например, сохраняются письма-жалобы на продрозверстку. Они поступали из всех губерний. Отношение к ним со стороны наркомпрода было твердым и неуклонным. От всех продорганов он требовал рассматривать жалобы только в тех местах, в которых розверстка выполнена на 60 %⁹⁷.

Характерно, что из хранящихся в фонде наркомпрода жалоб, поступавших в его адрес, а также пересланных из канцелярии Совнаркома, из ВЦИК, ЦК РКП(б), подавляющее количество было послано из потребляющих губерний (Владимирская, Тверская, Нижегородская, Калужская, Костромская, Ярославская и др.). Большинство жалоб на чрезмерность розверстки поступало от отдельных лиц,

3. Большую почту получали и получают политические и общественные деятели. Огромная почта была у В.И. Ленина, И.В. Сталина, М.И. Калинина и других деятелей. Письма к Ленину широко публиковались как в центре, так и на местах.

Много писем поступает и писателям, артистам, спортсменам. Например, в личном фонде писателя И.Г. Эренбурга в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) собрано более 30 тысяч писем.

4. Среди частной переписки есть письма к родным, друзьям, знакомым, т. е. речь идет о вполне устойчивой переписке, которую с полным основанием можно причислить к *эпистолярному* жанру.

Семейная переписка ныне удел лишь семейных архивов. На государственное хранение они, как правило, не попадают. Кое-что, конечно, можно встретить в личных фондах архивов, но это все же письма известных людей.

Случаются, правда, исключения, например фронтовые письма или письма с целины.

В целом же эпистолярный жанр вырождается. Технический прогресс, особенно всеобщая телефонизация, этому активно спо-

собствует. А в XIX в. умели и любили писать. Было принято писать длинные письма, которые подчас становились едва ли не художественными, публицистическими или философскими произведениями. Это был самостоятельный жанр со своими нормами и канонами. В них авторы подробно излагали свои мысли и чувства, оценивали происходившие события, рассказывали о своей жизни и деятельности. Правда, и в XX в. сохранились более или менее значительные комплексы подобной документации.

Во всех группах имеются однотипные документы. В одних больше, в других меньше. Что это за документы? Их можно классифицировать на следующие группы: а. просьбы; б. жалобы; в. информативные письма; г. разоблачающие и критикующие действия отдельных должностных лиц и учреждений; д. предложения и прожекты; е. условно говоря, «философские письма», т. е. письма-раздумья о понимании автором тех или иных теоретических положений, ситуаций в области политики, экономики, в сфере духовной жизни; ж. поздравительные письма; з. доносы.

Некоторые редакции сохранили письма в своих архивах. Представляет интерес сравнить письма с их публикацией. Иногда такая возможность весьма упрощается. Так, редакция «Крестьянской газеты» до 1925 г. после обработки писем помечала, опубликованы они или нет, а если да, то в какое время.

Уникальный комплекс документов - архив писем крестьян в «Крестьянскую газету». Каких только сообщений не было с мест! Представитель наркомпроста 20-х годов, отвечавший за работу с крестьянской почтой, охарактеризовал крестьянские письма следующим образом: «Большинство писем, по существу, есть вопль крестьян на беззаконие, объектом которого он является». Письма содержали в себе столь богатую информацию, что, по мнению сотрудников наркомзема, «наркоматы сами должны были идти в редакцию газеты за письмами, а не дожидаться, когда их пришлют»⁹⁸.

Письма рассказывают о положении на местах, о действиях представителей советской власти и партии, об отношении крестьян к Советам, партии, кооперации, колхозам. Большой интерес представляют крестьянские письма, в которых излагается их понимание или непонимание социализма. Здесь и уверенность в его победе, и разочарование, и неприятие. Довольно характерно, что в крестьянских письмах о социализме сложно переплетаются наивные утопические представления, близкие к религиозным, с упрощенными схемами, возникавшими под влиянием полуграмотных речей агитаторов и пропагандистской литературы. Авторы писем сравнивают будущую жизнь с «райской жизнью», она видится им как «картина какого-то блаженства», когда социализм будет «царствовать в природе роскоши».

Большинство этих, так сказать, «моделей» социализма были далеки от реалий, поскольку вообще никто не представлял себе, что означает иностранное слово «социализм».

Довольно рано в письмах крестьян начало проследиваться беспокойство по поводу организации колхозов, растущего отчуждения власти от земледельца. Взволновала деревню наметившаяся тенденция использовать хлебозаготовительный пресс в виде рычага ускорения обобществления сельского хозяйства. Опасно становилось мужику, как отмечалось в письме, пришедшему в Москву из семипалатинских степей во время посевной кампании 1928 г., «много сеять, скота держать, машинами обзаводиться, улучшать постройки скотдворов, жилища приводить в приличный вид, обносить тесом ограду и даже ремонтировать старые постройки, прилично одеться и обуться, а потому мне как бы работать совсем не нужно, а то навлечешь на себя гнев, классовую вражду, отберут хозяйство, лишат гражданских прав»⁹⁹.

В письмах рассказывалось о возникновении кризиса в стране, о запущенности легкой индустрии, о том, что взяты слишком высокие темпы коллективизации.

Нарастал поток жалоб на перегибы в хлебозаготовках, повлекших к изъятию семенного материала и продовольственного фонда колхозов, шли заявления с просьбой возратить имущество, изъятые за штрафы, наложенные за выполнение твердых заданий по заготовкам и налогам.

Еще не началась массовая коллективизация, еще не было всех ее безобразий, а крестьянин уже чувствовал реальную угрозу. «Если интересы середняка не будут своевременно защищены от всяких неправильных выпадов, он работать будет мало, хозяйство сократит насколько возможно и от него никакой пользы государству не будет», - пытались предупредить селькоры Вотской области. «Снова отбивают желание у граждан трудиться и заставляют быть бедняком», - жаловались в «Крестьянскую газету» в феврале 1929 г. ярославские крестьяне¹⁰⁰.

Писем, относящихся к периоду коллективизации, гораздо меньше. Они свидетельствуют о том, что с началом коллективизации массовый отток из деревни принимал все более широкие масштабы. Основной отлив из деревни в город пришелся на 1931 г., когда мигрировало четыре миллиона сельских жителей.

Письма рассказывают, как зарождались колхозы и почему люди стремились избежать быть колхозниками. Письма говорят о том, что становление колхозного строя сопровождалось падением сельскохозяйственного производства, организационной неурядицей и острыми социальными конфликтами.

Между тем газеты сообщали о массовых решениях крестьян об образовании новых колхозов, об их успешной работе и несравненном превосходстве над единоличниками. Как строились бодрые репортажи, раскрывалось в одном из писем, направленных в «Правду» из Нижне-Волжского края. Возражая против утверждения, что «пожелания перехода в колхоз в формах резолюций в печать присылают сами колхозники», автор в противовес этому в доказательство составления подобных резолюций приводит следующую картину: «В одном селе я наблюдаю выставку. До осмотра экспонатов - митинг. Говорят речи: председатель рика, агроном, избач, председатель сельсовета и секретарь; представитель рика и агроном - о государственных достижениях и притом расхваливают колхозную совместную обработку земли и ее преимущества перед частной обработкой и прочее. Члены сельсовета говорят о достижениях нашего села. Когда председатель вика кончил свою речь и начали говорить другие, то он начал писать резолюцию о пожелании устройства земельного общества. Кончив писать, читает, что земельное общество берет на себя распространение займа индустриализации на каждый двор, в текущем году хочет образовать два крупных коллектива и проч. Кончил читать - просит крестьян говорить с мест. Кто за и кто против? Все молчат, никто ни слова. Встает избач, повторяет этот вопрос, опять молчание. Председатель вика говорит - значит, все согласны? В толпе смех. Вот неопровержимая картина самотечного колхозного движения. Вот какие сведения дают в печать о колхозном движении и ими руководствуется партия, большая часть из них вымышленные фальшивки, составленные такими партийцами, кои преследуют цель своего личного выдвижения, а молчание крестьян - результат нежелания и запуганности шпионажем, ссылками, конфискацией и разными тяжкими налогами»¹⁰¹.

Письма периода коллективизации могут дополнить секретные обзоры писем, составлявшиеся для высоких инстанций.

Среди поступавших писем всегда имелись такие, в которых описывались негативные факты. Авторы таких писем квалифицировались как недоброжелатели, распространители вымыслов, враги народа. Поэтому подборки таких писем формировались отдельно, им присваивались спецназвания: «враждебные отклики», «факты отрицательного характера» и пр.

Однако кто-то должен был знать о причинах и масштабах негативных явлений. Для функционеров готовились обзоры.

Много писем поступало в связи с коллективизацией. Сводки о ходе ее под грифом «секретно» редакции газет направляли в секретную часть наркомзема и в иные инстанции. Наркомзем получал их и из других организаций, куда поступало много писем, например, из

секретариата Совнаркома СССР по приему заявлений и жалоб. Подобные приемные были в ЦК ВКП(б), у М.И. Калинина и др.

Справки о ходе коллективизации готовило и ОГПУ на основе собственных источников информации. Их составляли в информационном отделе ОГПУ под руководством Агаянца, Запорожца и других. Справки под грифом «совершенно секретно» предназначались узкому кругу лиц, прежде всего, конечно же, вождю и его доверительному окружению - В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, Г.К. Орджоникидзе, а также группе чекистов во главе с Г.Г. Ягодой - С.А. Мессингу, Е.Г. Евдокимову, А.Х. Артузову, Я. Ольскому, Г.И. Бокию, С.Я. Агранову и другим. Не забывали и наркома земледелия Я.А. Яковлева.

Таким образом Сталин и его окружение узнавали о происшедшем. Но воспринимали-то они это как некоторый срыв, заминку на фоне тотального успеха. Именно успех вскружил головы, породил самоуверенность, которая, в свою очередь, приводила к ошибкам и искажениям. Сталин и его люди воспринимали преступление против крестьян всего лишь как ошибки и искривления генеральной линии партии, которая в основе своей считалась правильной! В ее истинности никто не сомневался. Поэтому «конструкторы крестьянского счастья» могли исправлять какие-то частности, ради чего, кстати, и была написана статья Сталина «Головокружение от успехов», но они не в состоянии были осознать преступность своих благих намерений сделать крестьянство зажиточным, а колхозы богатыми любой ценой. И дело не в них - такова природа этого режима, что по-иному и быть не могло.

В РГАЭ отложилось немало подобных материалов, недавно рассекреченных¹⁰². Сводки по письмам составляли многие газеты - «Правда», «Гудок», «Социалистическое земледелие», «Крестьянская газета» и др. Их готовили в специальных отделах. Например, в «Правде» такое подразделение называлось отделом расследования и читки, а в «Крестьянской газете» - отделом крестьянских писем. Обзоры охватывали события на протяжении от двух-трех недель до нескольких месяцев.

Документально четко оформленный обзор, например правдинский, датировался, ему придавался номер; далее следовали очень важные пояснения. Во-первых, указывалось, что «сводка составлена по неопубликованным и непроверенным письмам». Во-вторых, отмечалось, что «в сводку взяты наиболее характерные факты отрицательного порядка. Таких писем за последние месяцы поступило очень много. Но они ни в коем случае не могут служить измерителем настроений крестьянской массы в целом». Последняя фраза примечательна. Она превентивна, чтобы смягчить возможное недовольство начальства, огорченного не радую-

шей информацией. Однако в действительности было другое. Последовавшие массовые выходы из колхозов весной 1930 г. подтвердили всеобщее недовольство крестьян коллективизацией.

Следует попутно отметить, что некоторые газеты, например «Социалистическое земледелие», иногда проверяли полученную информацию, и в таких случаях обзоры сопровождались словами «факты подтвердились». Но проверялся, естественно, далеко не каждый негативный факт, ибо их было много.

И наконец, еще один аргумент в пользу достоверности информации с мест: в этих, в конечном счете однотипных, источниках, без труда прочитываются два лейтмотива - страх крестьян и насилие государства.

Сама сводка представляет собой обзор «наиболее характерных фактов из писем» и содержит информацию как бы двух уровней: сведения очевидцев с мест и реакцию на них определенного слоя идеологических надсмотрщиков. Внешне выглядит это незамысловато: выдержка из письма или несколько однотипных отрывков и короткий комментарий обозревателя. В конце некоторых обзоров как своеобразное приложение целиком помещались наиболее интересные документы. Разумеется, факты толковались в духе времени, согласно позиции «генеральной линии» партии. Многие безобразия и преступления объяснялись неподготовленностью партийных организаций к умелому руководству начавшимся массовым колхозным движением, а в ряде случаев даже ошибочностью их действий и происками кулачества и антисоветских элементов. Протоестественность происшедшего, конечно же, даже не приходила в голову. Твердокаменная партийная «целостность» обозревателей, видимо, порой все же раскалывалась перед жуткими картинами коллективизации, - в чиновнике пробуждается просто человек. И тогда он включает без всякого комментария целиком наиболее яркие письма.

Количество сводок, найденных в архивах, постепенно уменьшалось. В жизнь вторгались материалы иного рода...

Источники начала 30-х годов свидетельствуют о нарастании общественного недовольства, которое выражалось в тысячах писем, жалоб, обращений к властям по поводу обострения продовольственных затруднений, отвратительного питания в рабочих столовых, безобразий, творившихся в очередях. Но это недовольство не переросло в массовый открытый социальный протест. Этому мешал страх перед властью, отсутствие консолидации людей и многое другое. Общественную сопротивляемость со второй половины 30-х годов определенно ослабляли письма-доносы, которых становилось все больше. Они разрушали моральный климат общества, способствовали его расколу.

Использование писем в историческом исследовании

После того как письма обрабатываются в редакциях газет (изложенные факты проверены корреспондентами, предприняты меры для устранения недостатков, написаны ответы адресатам и пр.), их оперативная жизнь кончается. Сохраненным письмам предстоит дальнейшая жизнь:

1. Они могут быть опубликованы в различных сборниках документов или специальных журнальных подборках.

2. Наиболее интересные письма выставляются в виде экспозиции в музеях, особенно краеведческих.

3. Хранящиеся в архивах, а чаще опубликованные в газетах письма используют в научных исследованиях. Однако эффективность их использования довольно низкая. Обычно для иллюстрации какого-либо положения автор приводит для примера два-три или более подобных документа. В сущности это иллюстративный метод. Лишь достаточно большая совокупность писем дает балу для анализа и делает аргументацию вполне доказательной. Такую возможность предоставляет применение контентанализа - метода количественной обработки описательных документов¹⁰³.

Источники, которые мы рассмотрели, в историографии традиционно именуется как «письма трудящихся». Однако гораздо справедливее ее назвать письмами «маленького человека», адресованными анонимному образу ВЛАСТИ, даже в персонифицированной форме отдельных личных представителей власти. «Маленьким человеком», т. е. бесправной личностью, может оказаться любой человек: «псевдогражданин» - принципиально не гражданское общества.

ГЛАВА 12

Источники российской эмиграции

1. Первые эмигрантские публикации на родине

ТРУДНО поверить в то, что в 20-е годы в СССР можно было ознакомиться с эмигрантскими изданиями. Более того, их даже перепечатывали в России (затем в СССР). И инициатором этого был В.И. Ленин. Он видел полезность такого начинания, его определенный практический смысл. Ленин писал: «Полезно бывает иногда взглянуть, как со стороны люди судят о нас... Поучи-